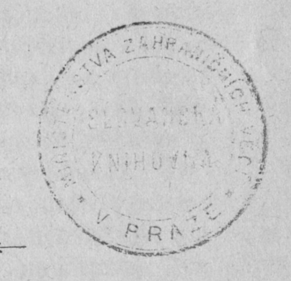
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XC

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ТОЛСТЫХЪ.

(Посвящается графинѣ Вѣрѣ Львовнѣ Толстой).

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВУ Черниговскаго лѣтописца, въ 1353 году прибылъ въ Россію изъ Германіи мужъ Индрисъ съ двумя сыновьями и съ дружиною, изъ трехъ тысячъ человѣкъ состоящей. Всѣ они приняли православную вѣру. Индрисъ былъ названъ Леонтіемъ, а сыновья его—Константиномъ и Ѳедоромъ. Внукъ Константина Леонтьевича, Андрей Харитоновичъ, получилъ отъ государя и великаго князя Василія Васильевича (1425 г.) прозвище «толстого» за его необычайную тучность, и тѣмъ было положено начало фамилія Толстыхъ. Также впослѣдствіи произошла фамилія Дурновыхъ отъ внука Андрея Харитоновича, Василія Юрьевича, прозваннаго «дурной» за его уродливость. О происхожденіи фамиліи Толстыхъ, въ видѣ шутки, упоминалъ государь Николай Павловичъ, когда онъ обращался къ гр. Петру Александровичу со словами «Der Dicke»[1]).

О Толстыхъ въ лѣтописяхъ упоминается съ 1608 года. Василій Ивановичъ, дѣдъ перваго графа Толстого, былъ въ XIII колѣнѣ рода Толстыхъ. Онъ еще въ молодости доказалъ преданность отечеству, предводительствуя войскомъ между Костромою и Пошехонью въ смутное время междуцарствія въ 1612 году. Сынъ его, Андрей Васильевичъ, былъ воеводою въ Черниговѣ; овдовѣвъ отъ перваго брака, онъ женился на сестрѣ знаменитаго боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Это знатное родство доставило ему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ званіе думнаго дворянина, а

[1]) Графъ П. А. Толстой былъ полный генералъ и состоялъ посланникомъ при Наполеонѣ послѣ Тильзитскаго мира.

въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны—санъ окольничаго. Отъ перваго брака онъ имѣлъ двухъ сыновей, Ивана, родоначальника старшей вѣтви дворянъ Толстыхъ, и Петра, родоначальника графовъ Толстыхъ. Отъ второго брака онъ имѣлъ одного сына, Михаила, потомство котораго пресѣклось.

Петръ Андреевичъ былъ первый изъ рода Толстыхъ, достигнувшій высшихъ почестей на государственной службѣ, благодаря своимъ способностямъ, уму и ловкости. Онъ началъ службу при царевнѣ Софіи, но, семь лѣтъ спустя, видя, что партія Петра беретъ верхъ, онъ и братъ его Иванъ ловко примкнули къ новому царству, и въ то время, когда Софія изнывала въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а ея приверженцы слагали головы на плахѣ, Толстые сумѣли внушить къ себѣ довѣріе и проложить себѣ путь къ будущему величію.

Я помню большой поясной портретъ масляными красками Петра Андреевича. Онъ находился въ кабинетѣ дѣдушки Петра Степановича, въ нашемъ московскомъ домѣ.

Громадный парикъ черныхъ волнистыхъ, низко спадавшихъ, волосъ обрамлялъ худощавое лицо съ загадочнымъ выраженіемъ на тонкихъ сжатыхъ губахъ. Выразительные черные глаза подъ сросшимися густыми бровями смотрѣли пристально и злобно. Эти брови составляли самую характерную черту всего лица. Онѣ были настолько густы и широки, что совершенно покрывали вѣки, изъ-подъ которыхъ смотрѣли эти злые пристальные глаза. Послѣ смерти дѣдушки мнѣ пришлось одно время спать въ его бывшемъ кабинетѣ, гдѣ надъ отоманкой висѣлъ портретъ Петра Андреевича, освѣщенный ночью свѣтомъ лампадки, горящей передъ образницей у противоположной стороны. Мерцавшее пламя свѣтильника освѣщало въ образницѣ чудный ликъ Спасителя съ благословляющей рукой и молитвенно располагало душу, внушая полное довѣріе къ священнымъ словамъ: «пріидите труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы»,—но этотъ же свѣтъ падалъ и на Петра Андреевича, и зловѣщіе глаза его таинственно выступали живыми точками изъ потемнѣвшаго отъ времени портрета. Здѣсь былъ міръ другой,—не свѣтъ и успокоеніе вливалъ онъ въ душу, а смутный страхъ темныхъ невѣдомыхъ силъ. Глаза эти меня преслѣдовали; не было мѣста въ комнатѣ, куда они ни проникали бы со своимъ упорнымъ требованіемъ подчиниться его волѣ. Подъ этимъ взглядомъ дѣлалось жутко, и заснуть не было возможности. Я долго боролась и укоряла себя въ малодушіи, но не выдержала, вскочила и, хотя съ большимъ усиліемъ, повернула портретъ лицомъ къ стѣнѣ и успокоилась.

Ознакомившись съ исторіей жизни и родомъ дѣятельности Петра Андреевича, неудивительно, что его обликъ, носящій отпечатокъ его внутренняго міра, внушалъ ужасъ. Но съ внѣшней стороны

Петръ Андреевичъ въ свое время отличался рѣдкими качествами: трезвостью, почтительностью, чрезвычайно приличной внѣшностью и природнымъ даромъ слова. Это былъ человѣкъ ума недюжиннаго, совѣсти эластичной, способный на все, съ весьма широкими понятіями о томъ, какъ обходиться съ людьми сильными и какъ обхожденіе съ ними согласовать со степенью ихъ силы. Петръ I говорилъ про него: «Толстой очень смышленый, но, когда съ нимъ имѣешь дѣло, надо держать камень за пазухой, чтобы во-время разбить ему голову въ случаѣ надобности».

Въ 1697 году, были отправлены императоромъ Петромъ въ чужіе края 37 человѣкъ лучшихъ фамилій для изученія морского дѣла. Въ числѣ ихъ былъ стольникъ Петръ Толстой. Въ выданной ему рекомендательной проѣзжей грамотѣ сказано: «Въ той великаго государя вышепоименованной грамотѣ написано: Петръ Толстой дворянинъ и безъ прозванія для того, чтобы въ иноземныхъ краяхъ подлинно не вѣдали, какого чина и какихъ породъ для той вышеписанной науки въ ихъ государство посланы» [1]).

Кромѣ того, дано ему особое рекомендательное письмо къ венеціанскому дожу Сильвестро Валоріо.

Въ то время Толстому было 52 года (онъ родился въ 1645 г.); онъ былъ уже отцомъ и дѣдомъ, и готовность его начать въ эти годы изучать спеціальныя науки, къ которымъ притомъ онъ не имѣлъ особой склонности, доказываетъ замѣчательную силу воли; видимо, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ предстоящихъ преобразованій и готовился тѣмъ или другнмъ путемъ занять въ нихъ не послѣднее мѣсто.

Хотя онъ исполнялъ добросовѣстно данную ему инструкцію и выучился морскому дѣлу, какъ было приказано, но большую часть времени посвятилъ на изученіе Италіи. Онъ ее объѣхалъ всю и вполнѣ овладѣлъ итальянскимъ языкомъ, на которомъ говорилъ и писалъ свободно. Петръ Андреевичъ описалъ свое путешествіе по Италіи, и его рукопись находится въ библіотекѣ Казанскаго университета, озаглавленная «Путешествіе стольника Петра Толстого по Европѣ въ силу царскаго указа отъ 7205 года января 11-го дня, т.-е. 1697 года по Р. Х., на 161 полулистахъ».

Все описаніе путешествія по характеру, складу понятій и по направленію своему всецѣло принадлежитъ эпохѣ древней Россіи. Проникнутый глубокой религіозностью, знатокъ церковной обрядности, Толстой болѣе всего обращалъ вниманіе на различія вѣроисповѣданій, на ученіе христіанскихъ церквей и богослуженіе.

Путешествіе его длилось два года, но 25-го октября 1699 года Толстой получилъ предписаніе отъ боярина Θеодора Алексѣевича Головина возвратиться въ Москву. Морякомъ Толстой не сдѣлался,

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1888 года.

но изъ него вышелъ искусный дипломатъ, знакомый съ европейской цивилизаціей. Однако для его служебной карьеры всего болѣе подѣйствовали на всемогущаго канцлера Головкина двѣ тысячи червонцевъ, которые, будто бы, поднесъ ему догадливый искатель служебнаго счастія. Головкинъ указалъ Петру на Толстого, какъ на человѣка, способнаго занять мѣсто посла при дворѣ турецкаго султана, ставившееся съ этихъ поръ постояннымъ. До того времени московское правительство имѣло лишь временныя сношенія съ Портой. Назначеніе Толстого было тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что онъ владѣлъ итальянскимъ языкомъ, который былъ въ то время, въ 1702 году, дипломатическнмъ языкомъ Турціи.

Пышность жизни Толстого въ Константинополѣ можетъ только сравниться съ пышностью двора султана, и соревнованіе въ роскоши доходило до крайнихъ размѣровъ. Толстой не выѣзжалъ иначе, какъ въ золоченой каретѣ, запряженной восемью лошадями цугомъ. Онъ щеголялъ упряжью и выѣзжалъ то на вороныхъ, то на бѣлыхъ превосходно подобранныхъ лошадяхъ. Сбруя на нихъ блестѣла золотымъ наборомъ, и каждая лошадь носила на лбу украшеніе изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Свита его поражала своей многочисленностью; въ составъ ея входили чиновники, секретари, служителя, курьеры, пѣвчіе и духовенство; въ дворцѣ его была помѣщена домовая церковь. Эта торжественная обстановка посольства стоила громадныхъ затратъ, и, кромѣ того, передъ отъѣздомъ Толстого къ мѣсту своего назначенія, онъ получилъ 200.000 червонцевъ съ приказаніемъ употребить ихъ на подкупъ совѣтниковъ султана. Но при частыхъ перемѣнахъ великихъ визирей и этой казны не хватало. Едва только Толстому удавалось установить добрыя отношенія къ великому визирю Гасанъ-пашѣ, какъ на его мѣсто назначенъ былъ Ахметъ-паша, уже шестой визирь при Толстомъ. Безъ сомнѣнія, онъ истратилъ съ цѣлью подкупа большую часть суммы, но не такую, какая была имъ показана въ отчетахъ. Тогда одинъ изъ секретарей его посольства, зная это обстоятельство, увѣдомилъ о томъ государя окольнымъ путемъ, не черезъ графа Головкина, который былъ соучастникомъ въ интересахъ Толстого. Но Толстого увѣдомили о коварныхъ замыслахъ его подчиненнаго, и онъ въ виду самосохраненія, почти не колеблясь, принялъ рѣшеніе отравить своего секретаря, но не тайнымъ образомъ, а призвалъ на судъ составъ чиновниковъ посольства судить секретаря, обвинявшагося въ измѣнѣ и недозволительной перепискѣ съ великимъ визиремъ. Объясненія, представленныя секретаремъ, были отвергнуты, какъ неудовлетворительныя, и Толстой велѣлъ позвать священника, чтобы приготовить обвиненнаго къ смерти, послѣ чего несчастный долженъ былъ выпить ядъ, подмѣшанный заранѣе въ венгерскомъ винѣ.

Вѣсть объ этой жестокости дошла до государя, но онъ не возмутился: что такое жизнь одного человѣка сравнительно съ интересами страны? Къ тому же Толстому были даны неограниченныя права надъ служащими въ посольствѣ. Толстой былъ нуженъ, и ему еще бы не то простили. И дѣйствительно онъ оказалъ существенныя услуги политикѣ своего императора во время войны Петра съ Карломъ XII, но, когда въ 1710 году состоялся разрывъ между Турціей и Россіей, и 20 ноября была объявлена война Россіи, то Толстой былъ заключенъ въ глубокую земляную темницу Семибашеннаго замка Едикуля и просидѣлъ въ ней до 1714 года. Чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о страданіяхъ, вынесенныхъ въ заточеніи за ревностное исполненіе службы, Толстой получилъ въ гербъ изображеніе башенъ. «Въ шестой части герба, раздѣленной перпендикулярно на два поля, серебряное и зеленое, изображены: вверху—три и внизу—четыре башни, перемѣняющія видъ свой на краскѣ въ серебро, а на серебрѣ въ зеленый цвѣтъ, и наверху сихъ башенъ полумѣсяцы, рогами вверхъ обращенные» [1]).

Но этотъ гербъ не былъ присвоенъ всѣми Толстыми, а именно, второй сынъ Петра Андреевича, Петръ, женатый на дочери малороссійскаго гетмана Скоропадскаго, имѣлъ свой гербъ вполнѣ фантастичный, съ поднятой рукой и надписью «Толстій». Авторъ имѣлъ случай видѣть изображеніе этого герба на кольцѣ одного изъ Толстыхъ.

По возвращеніи на родину, Толстой уже не засталъ Головкина и нашелъ большія перемѣны при дворѣ; главной силой былъ князь Меншиковъ.

Первой заботой Толстого было стараніе добиться благосклонности Меншикова, пользовавшагося тогда безграничнымъ довѣріемъ государя. Но и тутъ не обошлось безъ денежныхъ жертвъ. Толстой зналъ слабость Меншикова къ деньгамъ, и увѣряютъ, будто бы онъ подарилъ ему 20.000 рублей, за что получилъ мѣсто сенатора съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Вскорѣ представился Толстому случай отличиться передъ Петромъ.

Сынъ Петра I, царевичъ Алексѣй, отличавшійся характеромъ тихимъ, мягкимъ, представлялъ собою совершенную противоположность съ характеромъ Петра, этого рѣшительнаго и властнаго новатора. До десятилѣтняго возраста Алексѣй оставался при матери, царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, противъ воли постриженной въ монашество своимъ царственнымъ супругомъ. Вѣроятно, вліяніе матери и окружающая монастырская тишина и уединеніе развили въ царевичѣ боязливую нерѣшительность, и Петръ могъ вполнѣ основательно опасаться за участь введенныхъ имъ реформъ, когда пра-

---

[1]) Общій гербовникъ Всероссійской имперіи.

вленіе перейдетъ въ руки слабохарактернаго Алексѣя. По желанію Петра, царевичъ вступилъ въ бракъ съ Софіею-Шарлоттою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою. Бракъ былъ несчастливъ, Софія скоро умерла, оставивъ маленькаго сына, Петра Алексѣевича. Послѣ смерти Софіи столкновенія Петра съ царевичемъ принимали все болѣе угрожающіе размѣры; царь требовалъ, чтобы сынъ измѣнилъ характеръ и воззрѣнія свои, требовалъ настойчиво, прибѣгая даже къ побоямъ, грозилъ лишить его наслѣдства, но подобныя мѣры только ожесточали сердце юноши. Тогда государь приказалъ Алексѣю постричься въ монахи, «если править нѣтъ охоты». Царевичъ согласился, но воспользовался пребываніемъ Петра за границею и бѣжалъ изъ Россіи. Этотъ своевольный поступокъ возмутилъ властолюбиваго царя, онъ хотѣлъ заполучить своего непокорнаго сына въ свои руки и поручилъ Толстому разыскать убѣжище Алексѣя и склонить его какими угодно мѣрами вернуться въ Россію. Толстой разыскалъ царевича въ замкѣ Saint-Elme въ Неаполѣ, но это было не все: главное, надо было убѣдить царевича вернуться. Задача была трудная. Не надѣясь на одно свое краснорѣчіе и на силу увѣреній, что государь простилъ, и царевичъ не подвергнется наказанію за бѣгство,—хитрый дипломатъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ любовницу царевича, родомъ финку, Евфросинію, которую онъ увезъ вмѣстѣ съ собой. Эта женщина была не глупа и отличалась алчностью и честолюбіемъ, чѣмъ и рѣшился воспользоваться Толстой. Онъ успѣлъ увѣрить ее самыми страшными клятвами,—онъ не смущался мыслью объ нхъ исполненіи,—что выдастъ ее замужъ за своего младшаго сына и дастъ имъ тысячу крестьянскихъ дворовъ. Евфросинія уступила такимъ пышнымъ обѣщаніямъ и подаркамъ и стала склонять царевича вернуться съ Толстымъ въ Россію. Съ своей стороны, зная религіозныя убѣжденія царевича, Толстой не побоялся поклясться на крестѣ и Евангеліи, что царь не будетъ мстить ему за непокорность, что все забыто. Алексѣй не могъ допустить вѣроломства въ священной клятвѣ, повѣрилъ и вернулся. Исполнивъ съ такимъ успѣхомъ данное ему порученіе, Толстой является главнымъ дѣятелемъ и въ слѣдствіи надъ несчастнымъ царевичемъ. Онъ привезъ Алексѣя въ Москву 3 февраля 1718 года и участвовалъ въ допросахъ, дѣланныхъ царевичу, и подъ смертнымъ приговоромъ девятая подпись принадлежала «тайному совѣтнику и отъ лейбъ-гвардіи капитану Петру Толстому».

За такое предательство кроткое сердце царевича вознегодовало, и онъ въ мукахъ пытки проклялъ Толстого и весь родъ его до двадцать пятаго поколѣнія. Но Петръ за эту услугу отечеству вознаградилъ Толстого рѣдкимъ тогда орденомъ Андрея Первозваннаго и далъ ему громадныя помѣстья, до шести тысячъ «дымовъ», т.-е. крестьянскихъ дворовъ. Съ этихъ поръ Толстой уже не ну-

ждался въ покровителяхъ и посредникахъ между собою и Петромъ. Разсказываютъ, что за время силы Толстого не разъ за веселыми попойками царь сдергивалъ съ него огромный черный парикъ и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: «голова, голова, какъ бы не такъ умна ты была, давно бы и отрубить тебя велѣлъ».

Ему было уже восемьдесятъ лѣтъ, но онъ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, ясностью ума и неутомимой дѣятельностью.

Со времени розыска по дѣлу царевича Алексѣя Петровича Толстой сталъ сближаться съ Екатериною; ему въ особенности обязана она была въ послѣдніе годы царствованія Петра составленіемъ той партіи, которая подготовляла ей путь къ престолу, такъ что въ день коронованія Екатерины Петромъ (7-го мая 1724 года) Толстой былъ наконецъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Достигнувъ зенита величія, онъ сталъ дѣйствовать слишкомъ самонадѣянно, и эта умная голова дожила до своего дня помраченія.

Послѣ смерти Петра исторія двухгодичнаго царствованія Екатерины состоитъ въ борьбѣ лицъ, старавшихся присвоить себѣ власть и управленіе государственными дѣлами. Составились партіи; интригамъ не было конца.

Екатерина думала назначить своимъ преемникомъ Петра Алексѣевича. Тогда Меншиковъ задумалъ женить царевича на своей дочери, и съ разрѣшенія императрицы она была объявлена невѣстой наслѣдника престола. Тогда Толстой, опасаясь мщенія будущаго Петра II за участіе въ судьбѣ отца его, рѣшился на крайнія мѣры. Онъ сталъ во главѣ другой партіи, задача которой была не допустить воцаренія Петра Алексѣевича, а избрать герцога Голштинскаго, мужа Анны Петровны, преемникомъ престола. Борьба партій была ожесточенная, каждый изъ участвующихъ зналъ, что онъ рискуетъ головой въ случаѣ неудачи, а побѣда надъ противникомъ принесетъ почетъ, власть и богатство.

Соучастниками Толстого были: Девіеръ, Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ, ген. Ушаковъ—страшный начальникъ тайной канцеляріи, Александръ Нарышкинъ и кн. Долгорукій впослѣдствіи. Герцогъ Голштинскій зналъ о заговорѣ и, естественно, сочувствовалъ ему. Девіеръ, Толстой и другіе сдѣлали отзывъ объ Евдокіи Ѳедоровнѣ, какъ о причинѣ, почему имъ хотѣлось устранить отъ престолонаслѣдія Петра II: «Мы де особенно страшимся, чтобы въ воцареніе Петра Алексѣевича не получила силы его бабка, потому она стараго обычая человѣкъ, можетъ все перемѣнить по-старому, и понеже она нраву гнѣвнаго, жестокосердаго, захочетъ отомстить намъ за сына».

Но, несмотря на умъ и хитрость Толстого и лицъ его партіи, партія Меншикова восторжествовала. Императрица Екатерина I

окончила жизнь въ тотъ самый день, когда Меншиковъ выдалъ, будто бы утвержденный государыней, указъ о казни Толстого, Девіера и соумышленниковъ. Само собой разумѣется, что умиравшая императрица не была ни душой, ни тѣломъ въ томъ виновна.

Дерзость Меншикова не знала границъ. Враги были удалены, и онъ не пострашился по смерти Екатерины тотчасъ обнародовать завѣщаніе, составленное какъ бы по волѣ покойной императрицы, по которому престолъ оставался великому князю Петру Алексѣевичу. Думаютъ, что Екатерина участвовала въ его составленіи столько же, сколько и въ утвержденіи казни Толстого и его товарищей.

Какъ бы тамъ ни было, но Толстые, отецъ и старшій сынъ его Иванъ, президентъ юстицъ-коллегіи, были сосланы въ Соловецкій монастырь при слѣдующемъ высочайшемъ указѣ на имя архангельскаго губернатора, генералъ-майора Измаилова: «по ея императорскаго величества именному указу, за подписаніемъ ея императорскаго величества руки, велѣно Петра Толстого, за многія его вины, лиша всѣхъ чиновъ и чести, послать въ ссылку въ Соловецкій монастырь и съ нимъ сына его, Ивана»... и т. д.

Въ одно мгновеніе было разрушено столь высоко возведенное общественное положеніе посредствомъ хитрости, ума и неправедности. Графскій титулъ былъ отобранъ, всѣ богатства и всѣ дарованные шесть тысячъ «дымовъ».

Послѣднія слова Толстого, дошедшія до насъ, были въ видѣ письма къ одному изъ его близкихъ, написаннаго въ день состоявшагося надъ нимъ приговора.

«По указу ея императорскаго величества, — писалъ Толстой, — кавалерія и шпага съ меня сняты, и велѣно меня послать въ Соловецкій монастырь отъ крѣпости прямо сего дня; пришлите немедленно Махова и Яшку съ постелью, подушкой и одѣяломъ, да денегъ двѣсти рублей, да сто червонныхъ, также, чѣмъ питаться, и молитвенникъ и псалтирь маленькую и прочее, что заблагоразсудите. Да малаго Митьку я возьму съ собой, пришлите; а болѣе писать отъ горести не могу; велите кафтанъ овчинный и болѣе не знаю что надобно; впрочемъ, всѣмъ моимъ отъ меня благословеніе».

Толстые прожили въ ссылкѣ недолго. Иванъ умеръ въ 1728 году и погребенъ за монастырской оградой, а Петръ умеръ въ 1729 году. Въ ссылкѣ они терпѣли страшную нужду; можно сказать, что они умерли отъ лишеній и нищеты; въ описи вещамъ, найденнымъ послѣ ихъ смерти, значился овчинный кафтанъ и одна смѣна бѣлья.

Графское достоинство возвращено потомкамъ Петра Андреевича императрицей Елисаветой Петровной 26 мая 1760 года.

Далѣе въ XVIII вѣкѣ Толстые государственными дѣятелями не являются; исторія объ нихъ умалчиваетъ, но существуетъ у насъ въ семьѣ разсказъ о графѣ Ѳедорѣ Толстомъ. Онъ служилъ при

Павлѣ I и на смотру на Марсовомъ полѣ сдѣлалъ какую-то ошибку по фронтовой службѣ, что считалось при тогдашнихъ требованіяхъ государя чуть ли не высшимъ преступленіемъ. Государь вспылилъ и накричалъ на командира полка, тотъ налетѣлъ и накричалъ на Толстого въ присутствіи войскъ,—Толстой не выдержалъ и на грубость начальника отвѣтилъ оплеухой. Нервное потрясеніе, какъ слѣдствіе этого поступка, было настолько сильно, что, возвратившись домой, онъ началъ заговариваться и вскорѣ сошелъ съ ума. Судить его нельзя было, и его отправили на жительство въ Сосково, имѣніе Орловской губерніи. Тамъ онъ оставался до конца дней своихъ и умеръ бездѣтнымъ. А сумасшедшимъ онъ никогда не былъ, а только притворился имъ, чтобы избѣгнуть жестокаго наказанія, которое иначе неминуемо постигло бы его.

Я не буду описывать всѣ отросли семейства Толстыхъ, отчасти потому, что о нѣкоторыхъ отросляхъ уже было печатано, а отчасти потому, что объемъ исторіи всѣхъ Толстыхъ былъ бы слишкомъ обширенъ,—я ограничусь разсказомъ объ отросли, къ которой принадлежала моя мать.

Итакъ, дѣдъ моей матери, Степанъ Θедоровичъ, былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой. У нихъ было тринадцать человѣкъ дѣтей—десять сыновей и три дочери. Изъ сыновей Петръ (отецъ моей матери), Степанъ, былъ сумасшедшій и жилъ въ Сосковѣ, Андрей имѣлъ любовную исторію и былъ разстрѣлянъ сосѣдомъ въ Кромскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи. Про другихъ не помню. Всѣ получили домашнее воспитаніе съ помощью наплыва гувернантокъ и гувернеровъ-французовъ, между которыми главное мѣсто занималъ графъ Сюзоръ. Имъ передавали на руки дѣтей съ правомъ воспитывать ихъ души, какъ кому заблагоразсудится, и дѣлать изъ нихъ русскихъ французовъ. Всѣ эти наемники, по большей части, сами малообразованные, коверкали нашихъ предковъ на иностранный ладъ, внушая презрѣніе ко всему русскому. Изъ ихъ рукъ выходили какіе-то безпочвенники, незнакомые съ духомъ земли Русской и даже не желающіе знакомиться съ ея нуждами. Въ тѣ времена крѣпостного права помѣщики смотрѣли на рабовъ, какъ на низшія существа, даже неспособныя имѣть какіе либо человѣческіе запросы. Это было что-то среднее, стоящее немногимъ выше вьючнаго животнаго, это была та же безсмысленная сила, въ которой малѣйшій протестъ за человѣческое достоинство карался немилосердно. Крестьянинъ-рабъ жилъ тамъ гдѣ-то, какъ-то, и ничто не только не соединяло, но даже и не соприкасало его съ высшимъ существомъ бариномъ, который за его пожизненный трудъ платилъ ему полнымъ презрѣніемъ. Это чувство гадливаго презрѣнія къ меньшей братіи было внушено нашимъ дѣдамъ иностранными воспитателями.

Во многихъ русскихъ семьяхъ воспитаніе дѣтей было даже передано въ руки католическихъ аббатовъ, между которыми было не-

мало іезуитовъ, что̀ произвело одно время цѣлую плеяду русскихъ женщинъ, перешедшихъ въ католичество. Утонченныя манеры, вкрадчивость, лесть, скрытый культъ женщины пріятно щекоталъ нервы и возбуждалъ воображеніе дамъ; это былъ тотъ же flirt между іезуитомъ и свѣтской скучающей барыней съ цѣлью обогащенія ордена, а подчасъ и для доставленія себѣ наслажденій далеко не духовнаго свойства. Подчинивъ себѣ бродящую волю женщины, іезуитъ дѣлался хозяиномъ въ семьѣ. Чтобы упрочить свое вліяніе, іезуитъ вводилъ женщину въ таинственный міръ мистицизма, гдѣ невѣроятныя явленія усваиваются, какъ самыя простыя, а самыя обыкновенныя явленія жизни получаютъ таинственное значеніе. Мистикъ отрѣшается отъ твердыхъ очертаній дѣйствительности, покрываетъ ихъ завѣсою и окружаетъ голубымъ дымкомъ. Мистическое дуновеніе съ баронессой Крюднеръ коснулось даже нашего монарха Александра I.

Къ счастію, юность дѣдушки не подверглась душевному насилію, и чужеземный воспитатель, графъ Сюзоръ, не внушилъ ему презрѣнія ко всему русскому и француза изъ него не сдѣлалъ. Дѣдушка остался съ наклонностями къ деспотизму, былъ лѣнивъ и безпеченъ; болѣе всего дорожилъ спокойствіемъ и ретиво ограждалъ себя отъ повода къ непріятному волненію. Онъ не былъ честолюбивъ и дѣятельной службы не несъ, а былъ причисленъ къ придворному вѣдомству и дослужился до званія камергера. Очень молодымъ онъ женился на хорошенькой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Ильиной. У нихъ было четыре сына: Василій, Николай, Александръ, Павелъ, и дочь Парасковія.

Дѣдушка былъ добрый человѣкъ, но доброты пассивной; семью свою держалъ въ безсловесномъ повиновеніи, и всѣ зависѣли отъ него матеріально; женатому сыну онъ давалъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а неженатому—десять рублей, говоря: «если на это жить на сторонѣ не можете, милости просимъ ко мнѣ въ домъ, тутъ всѣмъ мѣсто и всего вдоволь». Никто изъ сыновей не смѣлъ и думать выйти изъ повиновенія, показать неудовольствіе или, чего Боже сохрани, требовать денегъ у отца—это имъ и во снѣ не снилось; они до преклонныхъ лѣтъ подходили боязливо къ рукѣ отца съ дѣтскимъ словомъ: «папенька».

А въ домѣ жилось имъ тяжело. Вечеромъ никто изъ сыновей безъ позволенія отца отлучиться не смѣлъ, онъ долженъ былъ спроситься, сказать, куда идетъ, зачѣмъ, и ему назначался часъ возврата. Воспитывались они въ кадетскихъ корпусахъ. Василій и Александръ, отслуживъ свое время въ офицерскомъ чинѣ, жили при отцѣ, Павелъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ и умеръ отъ холеры, а Николай всегда былъ слабоумнымъ, а съ годами совсѣмъ съ ума сошелъ и содержался въ Москвѣ, въ лѣчебницѣ доктора Красовскаго, гдѣ пробылъ сорокъ слишкомъ лѣтъ и всѣхъ пережилъ.

Старшій Василій, живя въ домѣ отца безъ дѣла, безъ занятій и чувствуя постоянно надъ собою тяжелый нравственный гнетъ, не выдержалъ и запилъ горькую; забился въ мезонинъ, какъ кротъ, и пилъ до безчувствія. Онъ пересталъ являться къ отцу и къ себѣ никого не пускалъ. Тогда отецъ опредѣлилъ его въ полкъ на Кавказъ. Василій уѣхалъ и повезъ съ собой финку Эмилію, отъ которой у него была дочь. Эту дочь дѣдушка воспитывалъ. На Кавказѣ Василій Петровичъ продолжалъ пить, и говорятъ, что нерѣдко преданная Эмилія, надѣвъ офицерское платье, справляла службу за него. Они оба умерли на Кавказѣ, а ихъ дочь получила отъ дѣдушки приданое и была выдана замужъ.

Александръ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Устиновой. Они прожили дружно и вполнѣ счастливо; у нихъ былъ единственный сынъ, Николай. Дядя, Александръ Петровичъ, былъ чудной души человѣкъ, строгой жизни, безупречный, но прожилъ недолго; онъ умеръ въ 1867 году отъ постепеннаго пораженія спинного мозга. Жена его, а моя тетушка, жива до сихъ поръ. Эта женщина всю жизнь свою посвятила семьѣ. Съ полнымъ отреченіемъ отъ личной жизни, она всегда была поддержкой и утѣшеніемъ болящихъ и страждущихъ членовъ семьи.

Младшая въ семьѣ дѣдушки была дочь Парасковія, въ замужествѣ княгиня Вяземская,—отъ этого брака родилась я.

Моя мать своимъ умомъ, красотой и способностями льстила самолюбію родителей и, если дѣдушка жалѣлъ лишнихъ тратъ для образованія сыновей, то, наоборотъ, ничего не жалѣлъ для дочери. Она была всесторонне и прекрасно образована, обладала чуднымъ голосомъ, хорошо обработаннымъ, про который знаменитый пѣвецъ Рубини говорилъ, «что у нея милліонъ въ горлѣ». Она слыла красавицей. Роста она была средняго, съ оконечностями пластичной красоты. Небольшая головка съ шелковистыми локонами «à la neige» гордо покоилась на гибкой шеѣ; голубые глаза, тонкій носъ съ горбинкой, небольшой ростъ и прелестные зубы поставили ее въ ряды первыхъ красавицъ.

Достигнувъ условнаго возраста, когда на дѣвицу смотрятъ, какъ на невѣсту, ее стали вывозить на балы. Но не безпечная жизнерадостность ожидала ее, а жизненныя потрясенія, которыя тяжело отозвались на ея воспріимчивомъ и впечатлительномъ организмѣ.

Только она стала выѣзжать, какъ за ней началъ ухаживать болѣе другихъ С. К. Онъ былъ молодъ, красивъ, талантливъ, хорошо пѣлъ, и музыка послужила первымъ звеномъ къ обоюдной симпатіи. Въ теченіе цѣлой зимы С. К. на всѣхъ балахъ, вечерахъ, прогулкахъ былъ постояннымъ кавалеромъ моей матери и не скрывалъ своего явнаго предпочтенія. С. К. былъ стариннаго дворянскаго рода, съ хорошимъ состояніемъ, и всѣ ожидали объявленія свадьбы съ окончаніемъ зимняго сезона, но пришла весна, разъѣха-

лись по деревнямъ, а свадьба объявлена не была. Такъ прошелъ годъ. Наступила вторая зима, и съ нею ухаживанія С. К. возобновились съ прежней настойчивостью. Онъ появлялся вездѣ, гдѣ только предполагалъ возможность встрѣтить мою мать. Общество, видя столь упорное преслѣдованіе, удивлялось, и нѣкоторые члены его, болѣе близкіе къ семьѣ, открыто спрашивали графа Петра Степановича, скоро ли свадьба его дочери. Подошла весна; въ большомъ саду нашего стариннаго родового дома зацвѣла сирень; кадки олеандровъ и лимонныхъ деревъ уже стояли на террасѣ съ колоннами. Собирались въ деревню, но передъ отъѣздомъ графъ рѣшилъ переговорить съ С. К. Вечеромъ онъ пріѣхалъ, какъ всегда. Моя мать сидѣла съ нимъ вдвоемъ на террасѣ, и онъ подъ вліяніемъ скорой разлуки говорилъ о своей любви, говорилъ горячо, увлекательно, стараясь своимъ краснорѣчіемъ усилить чувство молодой дѣвушки и окончательно отуманить ей голову до полнаго забвенія.

— Вы мнѣ все говорите о любви и ни слова о свадьбѣ; такъ болѣе продолжаться не можетъ,—вдругъ сказала ему дѣвушка.

Онъ остолбенѣлъ.

— Вотъ она страшная, вотъ она роковая минута, которой я опасался. Зачѣмъ вы нарушили очарованіе? Зачѣмъ вы смотрите впередъ? Развѣ вамъ не хорошо въ настоящемъ? Зачѣмъ убивать нашу поэзію?

— Я васъ прошу отвѣтить мнѣ, когда вы намѣрены говорить съ отцомъ и просить моей руки?

Онъ молчалъ и блѣднѣлъ.

— Отвѣчайте. Все должно быть рѣшено сегодня.

Онъ колебался и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на нее.

— Оставьте, графинюшка, бросьте этотъ вопросъ, умоляю васъ, не мучьте меня, пожалѣйте. Мы такъ счастливы теперь.

— Обвѣнчанные мы будемъ еще счастливѣе.

— Не могу я на васъ жениться, не могу. Я не свободенъ... — стономъ вырвалось у него.

— Не свободны?.. Вы женаты?..

— Нѣтъ, я не женатъ, но все равно я не могу жениться и причину вамъ сказать не могу. Не спрашивайте, не пытайте меня, умоляю, умоляю...

— Въ такомъ случаѣ скажите причину моему отцу. Онъ поручилъ сказать вамъ, что ждетъ васъ въ кабинетѣ. Подите.

Долго длилось для дѣвушки мучительное состояніе ожиданія, но вотъ въ балконной двери показался графъ и за нимъ С. К. Оба казались разстроенными.

— Пашенька, С. К. довѣрилъ мнѣ обстоятельства своей жизни. Онъ правъ, мужемъ твоимъ онъ быть не можетъ, онъ не свободенъ.

Дѣвушка подошла къ отцу, съ выраженіемъ глубокой покорности поцѣловала его руку и сказала:

— Прошу васъ, папенька, оставьте насъ вдвоемъ.

Затѣмъ проговорила тихо, но твердо:

— Теперь простимтесь. Затѣмъ, прошу васъ, оставьте нашъ домъ.

Ни просьбы, ни даже слезы отчаянія не могли поколебать принятаго рѣшенія молодой дѣвушки. Она спокойно, но настойчиво, требовала исполненія ея приговора. Онъ умолялъ о разрѣшеніи продлить на нѣсколько дней право ее видѣть, не прерывать все разомъ, но она съ твердостью настояла на своемъ.

На другой день графъ съ семьей уѣхалъ въ деревню.

Не легко было моей матери пережить потерю человѣка, олицетворявшаго ея первую молодую любовь, и, конечно, обманутыя надежды, страданія самолюбія пошатнули ея нервы.

Исторія С. К. была крайне печальна, а впослѣдствіи даже трагична.

Онъ не былъ свободенъ потому, что далъ приближенному лицу,— одной француженкѣ,—векселей на сумму свыше своего состоянія. Этими векселями она держала его въ полной кабалѣ и обѣщала ихъ уничтожить только въ случаѣ его согласія на ней жениться, и грозила подать ихъ ко взысканію, если онъ задумаетъ жениться на другой. А въ сороковыхъ годахъ за долги сажали въ тюрьму, и только смерть или уплата долга могли освободить несчастнаго.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ пронеслась молва, что С. К. подъ судомъ за убійство француженки m-me Léon.

Вотъ что случилось.

Попреки, сцены ревности m-me Léon повторялись все чаще и становились все бурнѣй; угрозы засадить въ тюрьму теперь уже обусловливались требованіемъ женитьбы. Несчастный С. К. во время одной изъ такихъ сценъ, потерявъ терпѣніе, схватилъ бронзовый канделябръ, швырнулъ его въ голову m-me Lèon, попалъ въ високъ и убилъ ее на мѣстѣ.

При видѣ мертваго тѣла онъ растерялся и думалъ только о томъ, какъ скрыть свое невольное преступленіе. Съ помощью преданнаго слуги, m-me Léon одѣли, посадили въ карету и ночью отвезли на кладбище, гдѣ и бросили ее близъ чьей-то могилы.

Когда ее нашли, то оказалось, что карманъ ея юбки былъ вырванъ съ находящимися въ немъ векселями, которые она всегда носила при себѣ.

С. К. былъ охваченъ безумною надеждой, что припишутъ эту смерть разрыву сердца, и онъ наконецъ окажется свободнымъ.

Но отъ докторскаго глаза не ускользнулъ знакъ на вискѣ, и С. К. былъ обвиненъ въ убійствѣ и преданъ суду.

Въ то время, когда гласныхъ судовъ не существовало, и мнѣнія судей не подвергались нравственному воздѣйствію присяжныхъ, много денежныхъ жертвъ стоило С. К., чтобы судъ призналъ его невиновнымъ въ умышленномъ убійствѣ и присудилъ его только къ духовному покаянію въ монастырѣ.

Разбирательство дѣла длилось чуть ли не два года. За это время мучительной нравственной пытки для С. К. моя мать въ московскомъ обществѣ встрѣтила князя Вяземскаго. Молодые люди полюбили другъ друга, но и тутъ не обошлось безъ серьезныхъ препятствій и кровавой драмы.

Между знакомыми моего отца было семейство Б. Оно состояло изъ г-жи Б., ея дочери Софіи и двухъ сыновей, служившихъ на Кавказѣ. Мой отецъ часто ѣздилъ въ домъ, но никогда не ухаживалъ за Софіей Б., а былъ привѣтливъ и любезенъ, какъ и всѣ свѣтскіе молодые люди. Быть можетъ, его вниманіе къ умной, молодой дѣвушкѣ и было немного преувеличено, но это объяснялось тѣмъ, что онъ зналъ ея пристрастіе къ молодому офицеру М., за котораго она и вышла замужъ, и потому былъ увѣренъ, что она не приметъ его вниманія за попытку ухаживанія. Но г-жа Б. думала иначе. Она считала, не безъ основанія, что для ея дочери предпочтительнѣе быть княгиней Вяземской, чѣмъ женою г-на М., что тутъ ея дочери представляется случай сдѣлать блестящую партію, и что имъ надо умѣло воспользоваться.

Для достиженія цѣли она подъ разными предлогами зазывала отца, оставляла свою дочь съ нимъ наединѣ, отпускала ихъ вдвоемъ прокатиться въ санкахъ и, наконецъ, объявила ему, что онъ скомпрометировалъ ея дочь и долженъ на ней жениться.

Отецъ мой не поддался ловушкѣ и отказался исполнить требованіе г-жи Б.

Въ своемъ бѣшенствѣ за отказъ она сказала, что братья молодой дѣвушки заступятся за честь сестры и принудятъ князя Вяземскаго жениться.

Она дѣйствительно приказала сыновьямъ просить отпускъ въ Москву. Въ то время обмѣнъ корреспонденціи, разрѣшеніе отпуска, путешествіе съ Кавказа до Москвы захватили собой немало времени, за которое возникшее увлеченіе между моимъ отцомъ и матерью перешло въ серьезное чувство.

Во время одного утренняго посѣщенія отца, когда онъ ходилъ, разговаривая съ матерью, по залѣ, въ прихожей раздался звонокъ, и чей-то голосъ спросилъ кн. Вяземскаго. Его вызвали въ прихожую, гдѣ онъ нашелъ двухъ братьевъ Б., пріѣхавшихъ предлагать ему либо жениться на ихъ сестрѣ, либо дать имъ удовлетвореніе.

По свойствамъ характера моего отца угроза не могла привести къ мирному соглашенію. Она повліяла бы въ обратную сторону; подъ угрозой онъ отказался бы жениться, даже, если бы это было первоначально его намѣреніе. Но въ этомъ случаѣ ничего подобнаго не было и быть не могло. Онъ принялъ вызовъ.

До моей матери, оставшейся въ залѣ, долетѣло нѣсколько громко сказанныхъ словъ, и когда мой отецъ вернулся къ ней, она въ безпокойствѣ просила сказать ей всю правду. Разсказавъ все, что

мы уже знаемъ, мой отецъ тутъ же рѣшился просить ея руки, говоря, что ея согласіе будетъ талисманъ, который спасетъ его отъ смерти. Моя мать обѣщала быть его женой, если онъ останется живъ, и раздѣлить его судьбу, даже слѣдовать за нимъ въ Сибирь, если его туда сошлютъ. «Что же,—говорила она,—буду Параша Сибирячка».

При императорѣ Николаѣ I на дуэль смотрѣли, какъ на убійство, и судили дравшихся, какъ преступниковъ.

Условія дуэли были очень тяжелы для отца.

Если судьба пощадитъ его, и пуля старшаго Б. его не убьетъ, то второй Б. долженъ былъ замѣнить брата, такъ что отецъ мой долженъ былъ два раза рисковать жизнью. Во избѣжаніе судебныхъ преслѣдованій каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть при себѣ записку такого содержанія: «никого не винить въ моей смерти, я самъ убилъ себя», и мертвое тѣло должно было, по обоюдному согласію, остаться на мѣстѣ.

У моего отца секундантомъ былъ братъ моей матери, Василій.

Дуэль состоялась въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ его громаднаго парка.

Мой отецъ не разъ передавалъ мнѣ подробности дуэли, и я разскажу про нее съ его словъ.

Когда мой отецъ и старшій Б. стали одинъ противъ другого, имѣя по условію право сходиться, мой отецъ выстрѣлилъ на ходу и остановился. Тогда онъ замѣтилъ, что вѣтеръ, дувшій довольно сильно въ спину Б., подымалъ на его груди рубашку пузыремъ. Отецъ былъ увѣренъ, что онъ попалъ Б. въ грудь, но отдѣлившаяся отъ тѣла рубашка не касалась раны, и кровь не коснулась до нея, а Б., видимо, шатался на ногахъ, стараясь цѣлить. Въ это время, слѣдя за его движеніями, мой отецъ подумалъ: «вотъ мертвецъ, который сейчасъ убьетъ живого», и вдругъ Б. потребовалъ отца къ барьеру. Онъ цѣлился долго и съ видимымъ усиліемъ наконецъ выстрѣлилъ и попалъ отцу въ фуражку, около виска,—одной линіей ближе, и мысль, которая пролетѣла въ умѣ отца, нашла бы свое исполненіе. Послѣ этого послѣдняго напряженія Б. палъ мертвымъ.

Братъ покойника отказался драться, и, оставивъ тѣло, всѣ удалились.

Когда на третій день тѣло Б. было найдено гдѣ-то во рву, въ его карманахъ бумажника не оказалось, гдѣ, кромѣ записки, было, говорятъ, денегъ семь тысячъ рублей. Пропажа этой записки надѣлала много непріятностей моему отцу, который во всемъ этомъ дѣлѣ является жертвой честолюбивой г-жи Б., не пожалѣвшей и родного сына для достиженія своей цѣли—пробиться въ знать черезъ дочь.

Волненіе, страхъ за жизнь моего отца, мучительная неувѣренность объ исходѣ суда надъ нимъ, который длился болѣе года,

сильно потрясли нервы моей матери и положили, хотя и незамѣтно, свою долю яда для будущей психической болѣзни.

Бракъ съ моимъ отцомъ не былъ счастливъ. Сомнѣнія, ревность окончательно разстроили нервы моей матери; она уѣхала за границу и увезла меня съ собой. Мнѣ было три года. До десятилѣтняго возраста я оставалась съ матерью за границей, и только по пріѣздѣ въ Россію я познакомилась съ дѣдушкой. Бабушку, Елизавету Васильевну, я узнала раньше; она пріѣзжала къ матери въ Кобленцъ и пробыла съ нами достаточно времени, чтобы заняться моимъ воспитаніемъ.

У нея были странные пріемы и странныя понятія. Она считала, что проявленія желаній или вкусовъ шестилѣтняго ребенка суть только проявленія капризовъ, которые надо искоренять. По ея понятіямъ, ребенокъ этого возраста долженъ быть безличнымъ, безъ стремленій, безъ желаній, въ полномъ подчиненіи у старшихъ до порабощенія собственной мысли. Руководствуясь подобной теоріей дрессировки, она систематично дѣйствовала наперекоръ всѣмъ неосторожно высказаннымъ мною предпочтеніямъ. Я какъ-то сказала, что не люблю краснаго цвѣта, что мнѣ больно глазамъ отъ него. Черезъ нѣсколько дней бабушка облекла меня въ ярко-красное платье съ красной лентой на шляпкѣ. Я имѣла неосторожность признаться, что очень люблю горошекъ съ крюшонами, и мнѣ стали его давать только въ дни особыхъ заслугъ. Я скоро пришла горькимъ опытомъ къ мысли, что откровенность—большая ошибка и даже порокъ. Въ кодексѣ воспитанія бабушки входило употребленіе розогъ, которыми она щедро играла по мнѣ только для того, чтобы усмирить всякую могущую проявиться попытку къ самостоятельности. Не удивительно, что я сердечно была рада, когда бабушка уѣхала.

Тѣмъ временемъ нервная болѣзнь матери постепенно ухудшалась, и забота о своемъ здоровьѣ приняла у нея такіе размѣры, что помрачала ея сужденія. Въ ней появилась двойственность: она читала, принимала живое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, но когда рѣчь заходила о ея здоровьѣ, она говорила несообразности и теряла всякое самообладаніе. На ея несчастіе, врачъ, которому она довѣрилась, имѣлъ пагубное вліяніе на нее.

Докторъ Сейстъ былъ человѣкъ недобросовѣстный, желавшій захватить въ свои руки богатыхъ больныхъ и не стѣснявшійся выборомъ средствъ, чтобы овладѣть ихъ волей. Онъ принадлежалъ къ іезуитскому ордену, былъ самъ jésuite de robe courte, негласный, но дѣйствовалъ въ интересахъ общества, въ смыслѣ захвата лицъ вліятельныхъ и богатыхъ. Онъ видѣлъ въ моей матери новую жертву, подготовленную болѣзненными задатками; видѣлъ ее одиноко стоящею, при ней дочь, которая, хотя теперь еще и ребенокъ, но со временемъ поступленіемъ въ монастырь, своимъ именемъ

и состоянiемъ могла служить новымъ доказательствомъ величiя ихъ ордена и силы ихъ ученiя. Вотъ соображенiя, которыми Сейстъ сталъ руководиться.

Во всей фигурѣ Сейста была мощь. Это былъ старикъ высокiй, плечистый, сѣдой, съ крупными чертами лица и пристальнымъ взглядомъ, всегда одѣтый въ длиннополый сюртукъ, почти что рясу католическаго аббата. При его домѣ въ Кобленцѣ была выстроена башня, гдѣ онъ занимался изученiемъ небесныхъ свѣтилъ, но не съ цѣлью астрономическихъ наблюденiй, а для астрологическихъ исчисленiй и предсказанiй своимъ больнымъ. Такъ, онъ увѣрилъ мою мать, что послѣ долгихъ изысканiй онъ наконецъ нашелъ ея звѣзду, и умолялъ ее ничего теперь не предпринимать безъ его совѣта; что всѣ ея дѣйствiя должны согласоваться съ состоянiемъ звѣзды, съ бо̀льшимъ или меньшимъ ея блескомъ. Сильный блескъ звѣзды означалъ, что минута благопрiятна, а когда звѣзда въ тускломъ состоянiи, то ей надо быть весьма осмотрительной въ жизни.

Этимъ открытiемъ моя мать была порабощена. Она повѣрила и постепенно дошла до полнѣйшаго отреченiя личной воли. Сейстъ не только не врачевалъ больного организма своихъ пацiентовъ, но съ корыстной цѣлью посягалъ на здравый смыслъ ихъ сужденiй. Наука дла него не была служенiемъ верховному добру. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ книга, перо, кисть, рѣзецъ служатъ кадиломъ божеству, орудiями служенiя истинѣ, добру и красотѣ, совершаемаго тремя элементами нашего духа—разумомъ, волею и чувствомъ. Нѣтъ, онъ былъ далекъ отъ этого; онъ пользовался своимъ развитiемъ, чтобы омрачать умъ другихъ, а цѣль его—захватъ богатствъ.

Открытiе звѣзды—«ея звѣзды»—сильно повлiяло на строй умозрѣнiя матери. Она воображала себя избранницей высшей воли, мышленiе ея сдѣлалось мистическаго свойства легко возбуждаемыхъ натуръ, усвоивающихъ себѣ все, что льститъ ихъ личному стремленiю. Съ этого времени вся жизнь этой несчастной женщины состояла исключительно въ заботѣ о своемъ здоровьѣ, и постоянный страхъ смерти привелъ ее въ полный разладъ съ нормальнымъ ходомъ времени. Она боялась свѣта дневного и замѣнила день ночью; ея сутки составляли нашихъ трое сутокъ, что̀ привело и времена года въ разладъ; когда у насъ былъ январь, у нея былъ iюль. Она прекрасно сознавала, что по календарю январь, и не требовала отъ другихъ подчиненiя ея исчисленiю, но съ грустью говорила, что она какъ-то потеряла одинъ день и съ этой минуты не можетъ нагнать время.

Тяжело жилось моей несчастной матери подъ влiянiемъ недобросовѣстнаго врача, а болѣзнь воли не допускала ее стряхнуть съ себя путы интригана.

Сейстъ убѣдилъ мою мать, что климатъ Петербурга для нея смертеленъ, и она буквально подчинилась его мнѣнію. Когда она склонилась на просьбы дѣдушки вернуться въ Россію, получивъ предварительно на это разрѣшеніе Сейста, то во избѣжаніе Петербурга мы ѣхали на лошадяхъ отъ Варшавы до Москвы. Желѣзной дороги тогда еще не было. Нескончаемый этотъ путь я повторила съ матерью три раза: первый разъ въ 1858 году, возвращаясь изъ-за границы, затѣмъ черезъ два года, путешествуя снова за границу, и черезъ годъ, т.-е. въ концѣ 1862 года, снова возвращаясь. Путешествіе всегда совершалось зимой, но по календарю матери то было лѣто, и она соотвѣтственно одѣвалась. На ней было кисейное платье, легкая накидка изъ чернаго бархата и соломенная шляпка съ бѣлымъ перомъ и розами. Цвѣтъ ея платьевъ и покрой также былъ опредѣленъ Сейстомъ; она пятнадцать лѣтъ одѣвалась по его указаніямъ: зимою всегда носила синее шелковое платье, которое, придя въ ветхость, замѣнялось точно такимъ же синимъ платьемъ.

Первое путешествіе изъ Варшавы мы совершили подъ лучами кометы 1858 года. Эта комета была громадныхъ размѣровъ и раскинулась по всему небосклону. Ея широкій блестящій хвостъ граціозно изгибался и разливалъ столь яркій свѣтъ, что равнялся по силѣ свѣту солнца, но былъ мягче; въ немъ было что-то таинственное. Зрѣлище было необычайное и чудное, и, когда ночь спускалась на землю, тогда вставала царица свѣта, гордо и величаво раскинувъ свою лучистую ткань. Она царила надъ небомъ и землею; вся звѣздная плеяда потухла и померкла; всѣ свѣтовыя силы прильнули къ кометѣ; все блѣднѣло передъ нею, и робкое мерцаніе другихъ свѣтилъ только усиливало ея побѣдную красоту. И вотъ подъ благосклоннымъ сіяніемъ столь чуднаго астрономическаго явленія тащился нашъ дормезъ отъ станціи до станціи по большому Варшавскому тракту, пока не дотащился до Москвы.

Путь былъ длиненъ и утомителенъ. Я не пользовалась при остановкахъ на станціяхъ удобствами и комфортомъ моей матери; мнѣ полагалась для ночлега охапка сѣна, на которую, положивъ подъ голову мою маленькую подушку и прикрывшись шубенкой, я ложилась, усталая отъ дороги.

Рада-радешенька я была пріѣхать въ Москву, гдѣ меня ждала моя старая няня, теплая комната и удобная чистая постель.

Тутъ только я познакомилась съ дѣдушкой. Я застала его еще бодрымъ старикомъ; онъ былъ невысокаго роста, худощавый брюнетъ съ продолговатымъ лицомъ, чисто выбритымъ, длиннымъ носомъ, черными глазами подъ густыми толстовскими бровями. Дѣдушка носилъ парикъ изъ черныхъ волосъ; движенія его были порывисты; онъ весь страдалъ нервными подергиваніями: вдругъ начинались подергиванія рта, усиленное морганіе глазъ, выламываніе рукъ; иногда онъ и ногами продѣлывалъ ненормальныя и неестественныя движенія; имѣлъ массу примѣтъ, привычекъ, вообще, былъ страшный оригиналъ.

Онъ былъ глухъ и, какъ всѣ глухiе, преувеличенно возвышалъ голосъ. Утромъ, когда онъ молился Богу, по всему дому раздавалось: «Господи, помилуй мои самарскiе амбары, и посѣвы, и скотъ, и скотный дворъ; Господи, помилуй мои гжатскiе амбары и постройки; Господи, помилуй мои орловскiе посѣвы отъ градобитiя». Просидѣвъ утро въ кабинетѣ за провѣркой отчетовъ по имѣнiямъ, онъ прочитывалъ газету и передъ обѣдомъ шелъ на прогулку. Ходилъ онъ всегда по одному направленiю, никуда не заходилъ и не любилъ, когда его на улицѣ останавливали: «На то домъ есть, чтобы говорить; выйдешь, чтобы набраться воздуха, а тутъ съ пустыми разговорами лѣзутъ»,—съ досадой брюзжалъ онъ.

Возвращаясь, онъ останавливался у воротъ и крестился на три стороны, затѣмъ быстро поворачивался, при чемъ правая нога его должна была попасть на какой-то камень. Отъ этой удачи зависѣло благоденствiе всего дня и вечернiй выигрышъ въ клубѣ. Если нога не попадала на камень, онъ снова начиналъ креститься, снова быстро поворачивался и, если и на этотъ разъ нога на камень не попадала, то это считалось плохимъ предзнаменованiемъ, и бѣдный, добрый дѣдушка уныло снова принимался за кресты. Между тѣмъ, приказъ былъ такой, что при входѣ графа въ домъ супъ долженъ быть на столѣ и всѣ обѣдающiе въ сборѣ, не то будетъ новая бѣда. Бабушка и я всегда смотрѣли въ окно, чтобы не проглядѣть прихода дѣдушки. Иногда дѣдушкѣ удавалось съ перваго раза попасть ногой на камень; тогда онъ быстрой, помолодѣвшей походкой направлялся въ домъ, а бабушка восклицала: «ну, слава Богу, сегодня будетъ въ духѣ». Но, если его постигала неудача, мы всѣ омрачались. Въ такой день, когда случалось, что только шестая попытка попасть на камень оказывалась удачной, измученный дѣдушка ласкалъ этотъ проклятый камень, тихо и нѣжно проводя по немъ носкомъ своего сапога, но за обѣдомъ остерегался плотно покушать и въ этотъ день не восклицалъ, насытившись, какъ то бывало въ дни удачи: «много ли человѣку надо, поѣлъ полчаса безъ отдыха и сытъ». Послѣ обѣда дѣдушка отдыхалъ и затѣмъ отправлялся въ клубъ.

Одно время Англiйскiй клубъ въ сороковыхъ годахъ заслужилъ себѣ названiе государственнаго совѣта. Тамъ часто рѣшались дѣла сената, оканчивались тяжбы сдѣлками; тамъ выражалась оппозицiя генералъ-гибернатору забаллотированiемъ его любимцевъ; бывали тамъ всякiе толки и пересуды, и всѣ новости и сплетни рождались въ Англiйскомъ клубѣ и оттуда ползли въ свѣтъ. Игра велась большая, но дѣдушка игралъ скромно въ табельку и проигрывать не любилъ. Онъ какъ-то разъ запоздалъ и быстро несся по заламъ въ ту отдаленную комнату, гдѣ ждали партнеры его, но вотъ онъ столкнулся съ неизвѣстнымъ господиномъ, обоюдно извинились и разошлись. Въ этотъ вечеръ дѣдушкѣ небывало повезло. Онъ

остался ужасно доволенъ своимъ выигрышемъ и приписалъ его столкновенію съ неизвѣстнымъ господиномъ. На другой день, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ партіи, онъ бродилъ по заламъ. Его звали, онъ отвѣчалъ: «сейчасъ, сейчасъ», и продолжалъ искать и вдругъ, увидѣвъ вчерашняго незнакомца, налетѣлъ на него, толкнулъ плечемъ и затѣмъ сѣлъ играть. Снова выигралъ. На третій день повторилось то же. Незнакомецъ замѣтилъ преднамѣренные толчки, узналъ фамилію дѣдушки и говорилъ своимъ знакомымъ: «какой, однако, графъ Толстой мстительный. Я какъ-то нечаянно его толкнулъ, и съ этого дня, представьте себѣ, онъ каждый вечеръ караулитъ меня, чтобы толкнуть». Эти наскоки прекратились только послѣ проигрыша дѣдушки.

Утверждаютъ еще, что, садясь за карты, дѣдушка своимъ туловищемъ дѣлалъ всегда крестъ надъ стуломъ.

Болѣзненно возбужденные нервы дѣдушки не выносили рѣзкаго звука, и потому, когда онъ возвращался изъ деревни, передъ въѣздомъ въ городъ, онъ давалъ камердинеру разряжать пистолеты. Самъ выходилъ изъ дормеза, удалялся далеко въ поле, затѣмъ махалъ оттуда носовымъ платкомъ и быстрымъ движеніемъ затыкалъ уши, чтобы не слышать выстрѣла, а камердинеръ стрѣлялъ, когда видѣлъ, что графъ уши заткнулъ. Но кто-то ему сказалъ, что опасно возить съ собой заряженные пистолеты, что отъ сотрясенія выстрѣлъ можетъ быть непроизвольный; съ тѣхъ поръ дѣдушка возилъ пистолеты незаряженными, а пули и порохъ запиралъ въ привинченные надъ дормезомъ «важи» и пряталъ ключъ въ карманъ... Такимъ способомъ, конечно, всякая опасность была удалена.

Ко мнѣ онъ былъ безконечно добръ, я была его любимицей, и онъ баловалъ меня, какъ только умѣлъ. Привозилъ мнѣ лакомства изъ клуба и два раза въ теченіе зимы возилъ меня въ театръ, при чемъ бралъ ложу. Я говорю, что онъ возилъ меня, потому что бабушку онъ въ ложу не приглашалъ. Мы ѣздили втроемъ: дѣдушка, я и моя няня. Брались конфеты, но на случай, что я могла бы проголодаться, брали также съ собой кусокъ чернаго хлѣба съ солью и бутылку воды. Постоянный страхъ дѣдушки за меня заставлялъ его принимать оригинальныя предосторожности при выходѣ изъ театра, чтобы я не простудилась. Составлялось шествіе, въ которомъ лакей Петръ, гайдукъ громаднаго роста, шелъ впереди; я шла между Петромъ и дѣдушкой, при чемъ шла, пятясь назадъ, буквально прижатая лицомъ къ дѣдушкиной груди, а онъ держалъ полы своей медвѣжьей шубы вытянутыми руками и защищалъ меня отъ дуновенія вѣтерка. За дѣдушкой шла няня и несла остатки конфетъ, хлѣба и воды. Публика разступалась при видѣ нашего шествія и раздѣлялась на двѣ шеренги, чтобы подольше насладиться оригинальностью явленія. Но и эти предо-

сторожности не удовлетворяли заботливости дѣдушки. Онъ придумалъ продолговатый ватный мѣшекъ, родъ капора, который хотѣлъ надѣть мнѣ на носъ, чтобы я не схватила насморка, но я протестовала такъ энергично, что дѣдушка сконфузился и уступилъ. Надо правду сказать, что милый, дорогой дѣдушка стыдливо, неувѣренно предложилъ мнѣ свое изобрѣтеніе, и когда я протестовала, то замѣтила, что ему жаль было признать его негоднымъ.

Тѣмъ временемъ я все присматривалась къ бабушкѣ и немало была удивлена перемѣной въ ея характерѣ. Она была тихая, рабски покорная жена, никогда не высказывалась, ни во что не вмѣшивалась и безшумно вела свое хозяйство. Домъ былъ обширный, старинный, съ мезониномъ о шести комнатахъ, гдѣ жила моя мать; садъ при домѣ былъ большой и надворныхъ строеній много. Въ этомъ домѣ родилась, выросла и умерла моя мать, родилась я и вышла замужъ изъ него.

Я помню, какъ зимой, передъ Рождествомъ, изъ дѣдушкиныхъ помѣстій пріѣзжали обозы съ провизіей. Безчисленное количество тяжело нагруженныхъ подводъ тянулись вереницей, въѣзжали въ ворота, огибали домъ и располагались на обширномъ дворѣ, предъ амбарами, для разборки клади. Маленькія заморенныя кляченки, выгибая худую спину, изъ послѣднихъ силъ дотаскивали барскіе запасы на графскій дворъ. Мужикъ изъ почтенія съ непокрытой головой подгонялъ ихъ кнутикомъ, а морозъ былъ лютый; обѣлилъ ему бороду и засѣлъ сосульками въ бровяхъ. Опись присланныхъ запасовъ подавалась бабушкѣ дворецкимъ, который при этомъ велъ и словесный докладъ. Бабушка отдавала приказанія, что̀ пойдетъ къ столу, что̀ въ застольную. Это были, въ 1859—1860 году, времена послѣднихъ проявленій крѣпостничества. Домъ былъ переполненъ излишней прислугой; за столомъ, кромѣ подающихъ кушанье, за каждымъ стуломъ стоялъ лакей съ тарелкой въ рукахъ. Всѣ они были одѣты во фраки изъ сѣраго сукна со свѣтлыми пуговицами съ гербами Толстыхъ.

День бабушки начинался съ того, что она приходила въ кабинетъ дѣдушки пожелать ему добраго утра, когда тотъ пилъ чай. При этомъ она входила со словами: «здравствуй, Петръ Степановичъ», и, не подходя къ мужу, садилась около самой двери на низменное сафьянное креслице. Она до старости осталась съ мелкими чертами лица хорошенькой блондинкой, сохранила зубы и цвѣтъ лица, но слезящіеся голубые глаза отъ постояннаго употребленія ню ательнаго табака портили общее впечатлѣніе. Она съ покорнымъ видомъ жертвы отвѣчала на вопросы дѣдушки; сама заговаривать не смѣла и ждала обычный отпускъ, который выражался словами: «ну, иди себѣ, Елизавета Васильевна».

Фыркнувъ носомъ, что̀ она всегда дѣлала въ минуты скрытаго неудовольствія, она уходила.

Нельзя теперь было узнать въ ней заграничную бабушку, капризную, деспотичную, приводящую въ исполненіе надъ внучкой свою жестокую теорію дрессировки. Мнѣ было жаль ее, но для блага всей семьи на допредположить, что деспотическая рука дѣдушки, тяготѣвшая надъ ней, спасала насъ отъ многихъ непріятностей.

Подчиненіе бабушки было доведено до невѣроятныхъ размѣровъ. Она сама повѣряла мнѣ воспоминанія первыхъ лѣтъ замужества, какой ужасъ она испытывала, когда появлялся къ ней среди дня камердинеръ дѣдушки со словами: «графъ изволятъ просить ваше сіятельство въ кабинетъ». Она съ трепетомъ входила къ мужу, который принималъ ее не хуже любого восточнаго властелина словами: «ложись, Елизавета Васильевна».

Въ старости она была охотницей поиграть въ карты и уже съ утра, во время посидокъ въ кабинетѣ, докладывала о полученномъ приглашеніи и просила денегъ. Въ своемъ распоряженіи денегъ она не имѣла, хотя принесла въ приданое порядочное состояніе, и для всякаго расхода должна была обращаться къ дѣдушкѣ. На игру онъ отпускалъ ей по три рубля. Вечеромъ, возвращаясь изъ Англійскаго клуба, дѣдушка заѣзжалъ за бабушкой, но не входилъ, а только приказывалъ доложить, что, молъ, «графъ изволили заѣхать», и бѣдная бабушка, не окончивъ игры, бросала карты, извинялась и стремительно уходила. Иногда ей и весело было, и поужинать хотѣлось въ обществѣ, но всѣмъ надо было пожертвовать и спѣшить въ карету, гдѣ ждалъ ее Петръ Степановичъ. Она боялась его и говорила, что мужа и въ церкви при вѣнчаніи приказано бояться: «жена да убоится мужа», и, лукаво улыбаясь, прибавляла: «а люби, кого захочешь».

Я помню одну сцену на Пасхѣ, гдѣ выразился весь жестокій деспотизмъ дѣдушки.

Бабушка пригласила къ обѣду двухъ племянниковъ, Ильиныхъ, сыновей своего умершаго брата, служившихъ тогда въ Кирасирскомъ его величества полку, и забыла или не посмѣла сказать о своемъ приглашеніи дѣдушкѣ. Мы уже собрались всѣ въ столовой, когда мимо оконъ къ крыльцу подкатила коляска.

— Кто это? Что это?—взволновался дѣдушка.

— Это я, Петръ Степановичъ, пригласила племянниковъ отобѣдать, извини, пожалуйста, совсѣмъ забыла тебя спросить,—залепетала бабушка заискивающе.

— Вонъ! Не принимать, не принимать!—приказалъ онъ дворецкому.

А Ильины были уже въ прихожей. Бабушка отъ стыда и ужаса поспѣшила уйти въ гостиную и въ замѣшательствѣ стала смотрѣть въ окно, выходящее въ садъ. Я тоже прижалась къ ней. Дѣдушка пришелъ въ ярость; онъ не признавалъ за бабушкой права самовольно приглашать въ его домъ даже племянниковъ—

онъ былъ хозяинъ. Онъ кричалъ неистово и топалъ ногами. Я въ первый разъ видѣла его въ такомъ возбужденномъ состоянiи и не могла отвести глазъ отъ него. И вдругъ онъ, въ порывѣ неудержимаго бѣшенства, схватилъ тяжелое кресло краснаго дерева, высоко поднялъ его и съ силой кинулъ въ бабушку. Она стояла къ нему спиной и не могла видѣть его движенiя, но я во время отдернула бабушку въ сторону, и кресло ударилось съ силой о косякъ окна, около котораго за минуту стояла бабушка.

При мнѣ это была единственная сцена въ дѣйствiяхъ. Обыкновенно разгнѣванный чѣмъ либо дѣдушка выражалъ свое неудовольствiе фразой: «taisez-vous, vous êtes une femme horrible!» и поворачивалъ спину, тѣмъ и кончалось.

Тѣмъ временемъ моя мать жила своею жизнью на верху, въ мезонинѣ.

Я уже говорила, что она простирала свои сутки на нашихъ трое и превращала день въ ночь. Вставала она въ два часа послѣ полуночи и требовала, чтобы я приходила къ ней пожелать ей добраго утра, и, если я была сонная, невеселая, неразговорчивая, какъ это можно ожидать утромъ отъ хорошо выспавшагося ребенка, то она меня ставила въ уголъ, пока я не повеселѣю. Къ несчастiю, мнѣ какъ-то случилось нѣсколько разъ подъ рядъ быть охваченной такой сильной потребностью сна, что не могла ее побороть, и тѣмъ возбудила неудовольствiе моей бѣдной, больной матери. Тогда рѣшили въ тѣ ночи, которыя моя мать считала своимъ утромъ, не допускать меня ложиться въ постель, и я въ ожиданiи ея пробужденiя ютилась, лежа калачикомъ на креслѣ въ гостиной.

Разъ дѣдушка, возвращаясь изъ клуба, вошелъ въ гостиную помолиться передъ сномъ и нашелъ меня спавшей въ креслѣ. Можно себѣ представить его недоумѣнiе, а когда я на вопросы отвѣтила, что три раза въ недѣлю я въ постель не ложусь, а провожу часть ночи въ креслѣ въ ожиданiи пробужденiя матери,—дѣдушка страшно раскричался на няню, какъ она смѣла допустить подобное мытарство и не доложила ему, и строго запретилъ впредь лишать меня сна и постели. Съ этого дня дѣдушка каждый вечеръ, возвращаясь изъ клуба, заходилъ въ мою комнату, чтобы убѣдиться, что я спокойно сплю. Но эта мѣра не спасла меня отъ моихъ дежурствъ. Какъ только дѣдушка, перекрестивъ меня въ постелькѣ, уходилъ къ себѣ, меня подымали, умывали холодной водой, одѣвали, причесывали и, разогнавъ слѣды сна, вели меня здороваться съ матерью и забавлять ее. Дѣдушка никогда не узналъ объ этой новой комбинацiи, а сказать я не смѣла. Здоровье мое, а также и занятiя, сильно страдали отъ постояннаго чувства усталости, и я росла слабымъ и вѣчно грустнымъ ребенкомъ.

Пока дѣдушка былъ живъ, мнѣ жилось сравнительно хорошо. Меня онъ любилъ, баловалъ и былъ мой заступникъ передъ всѣми, но я потеряла дѣдушку, когда мнѣ было тринадцать лѣтъ.

Ему сдѣлали глазную операцію, которая прекрасно удалась, но затѣмъ открылось кровотеченіе носомъ настолько сильное, что доктора не могли его остановить, и на пятый день дѣдушка тихо скончался.

Никто не замѣтилъ его конца. Смерть была безмятежная, безъ страданій, безъ агоніи—онъ заснулъ.

Послѣ похоронъ дѣдушки моя мать нѣсколько ночей подъ рядъ видѣла одинъ и тотъ же сонъ: дѣдушка приходилъ къ ней и говорилъ: «Пашенька, прикажи разрыть мою могилу, я живъ, я только уснулъ». Въ слѣдующую ночь тотъ же сонъ повторился: «Пашенька, спѣши, прикажи открыть могилу, я слабѣю». Мать моя со слезами отчаянія умоляла бабушку открыть могилу, но бабушка не согласилась. «Похоронили, значитъ, умеръ»,—отвѣчала она.—«Это все глупости, все нервы. Отчего я всю жизнь прожила и ни одного сна не видѣла?»

Смерть дѣдушки принесла мнѣ много горя, но бабушка ожила. Когда вскрыли духовное завѣщаніе, ея часть оказалась значительнѣе, чѣмъ она ожидала. Ея личное состояніе было не только не тронуто, но удвоено. Она начала выѣзжать, рядиться, давать вечера и расширила свой кругъ знакомства. Она такъ наивно наслаждалась чувствомъ свободы, что, уже много лѣтъ спустя, когда я была замужемъ и пріѣхала въ Москву навѣстить ее, она послѣ обѣда, усѣвшись на мягкій, широкій диванъ и погрызывая конфеты своими крѣпкими зубами, вдругъ сказала: «Да, Машенька, вотъ я только и живу съ тѣхъ поръ, какъ всѣхъ похоронила, слава Богу». Конечно, она обнаружила чудовищный эгоизмъ; между невольнымъ чувствомъ удовлетворенности, когда пробьетъ часъ освобожденія отъ гнетущихъ условій жизни, и выраженіемъ этого чувства въ столь жестокой формѣ лежитъ пропасть; но она избыткомъ сердца никогда не отличалась, а почти полувѣковое угнетеніе могло ее озлобить. Въ это время въ живыхъ у нея оставался одинъ сынъ въ домѣ умалишенныхъ. Ей казалось естественнымъ не считать его живымъ, такъ какъ со дня заточенія его она ни разу не навѣстила его; его видъ былъ ей непріятенъ, такъ онъ былъ похожъ на Петра Степановича. Она не могла простить мужу, что, благодаря ему, она никогда не жила личной жизнью, а просуществовала подъ прессомъ сорокъ восемь лѣтъ. Послѣ смерти мужа она жила еще 24 года и умерла 88 лѣтъ.

Послѣ смерти дѣдушки я заболѣла скарлатиной. Болѣзнь приняла угрожающіе размѣры, и докторъ, не надѣясь, что я проживу ночь, сообщилъ моей матери объ опасности моего состоянія, но она спокойно отвѣтила: «завтра день моей прогулки, когда я спущусь внизъ, то зайду къ дочери».

— Но ваша дочь можетъ до завтра умереть. Я не ручаюсь за ея жизнь.

— А для меня слишкомъ важенъ правильный ходъ моей жизни. Я не могу отвлечь ни минуты на постороннія дѣла. Мнѣ грозитъ смерть, если я измѣню свой порядокъ. Вы не знаете, какъ важна для меня пунктуальность. Если я потеряю часъ или минуту, я на цѣлые года отодвину свое выздоровленіе.

Вся забота ея жизни была направлена на возстановленіе ея здоровья. Все и всѣ приносились этому великому служенію; все и всѣ должны были ей содѣйствовать безпрекословно.

Ея умъ былъ постоянно направленъ на изобрѣтеніе новыхъ причудъ. Такъ она лѣтомъ стала топить у себя печи, и когда дрова разгорались, то ихъ заливали водой. Такъ какъ это повторялось ежедневно и въ теченіе всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ по календарю матери, то вода просочилась сквозь полъ, и штукатурка грозила упасть на насъ, жителей нижняго этажа. Въ это же время, лѣтомъ, она носила шубу, въ которой ночью гуляла на Тверскомъ бульварѣ; до бульвара она доѣзжала въ каретѣ, а тамъ ходила пѣшкомъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ, повѣшеннымъ на жердь.

Но выздоровленіе все не наступало. Тогда вздумалось матери снова ѣхать за границу, и мы вновь потянулись въ дормезѣ отъ Москвы до Варшавы.

Снова пріѣхали въ Кобленцъ; поселились, какъ всегда, въ гостиницѣ, и снова начались ежедневныя посѣщенія доктора Сейста.

Во второй нашъ пріѣздъ Сейстъ, кромѣ заботы потакать всѣмъ причудамъ моей матери, старался и меня подчинить своей власти. «Я» въ это время и составляла его главный объектъ.

Онъ приставилъ ко мнѣ гувернантку, ярую католичку, и я подвергалась страшной нравственной ломкѣ. Съ удивительнымъ терпѣніемъ, знаніемъ, настойчивостью, m-elle Werner вліяла на мое воображеніе. Я росла одиноко. Подъ предлогомъ болѣзни матери, не выносящей шума, знакомыхъ и подругъ у меня не было. Я скучала, грустила, и этимъ настроеніемъ пользовалась m-lle Werner, чтобы запугивать меня моимъ будущимъ. Она убѣждала меня перейти въ лоно католичества, которое съ объятіями радости приметъ и успокоитъ мое одинокое сердце. Католическая церковь замѣнитъ мнѣ семью. Она предсказывала мнѣ страшныя испытанія и ужасы и совѣтовала укрыться отъ моей судьбы поступленіемъ въ монастырь. Православной церкви не было въ Кобленцѣ, и я была лишена наставленій религіи и до десятилѣтняго возраста православнаго богослуженія не видала и знала одну только молитву «Отче нашъ». За кратковременное наше пребываніе въ Россіи не нашли нужнымъ дать мнѣ законоучителя. Мнѣ преподавалъ катихизисъ «между прочимъ» какой-то студентъ, дававшій мнѣ уроки словесности, и такъ какъ въ семьѣ религіозны не были, то меня въ церковь не водили. Но, видно, сильно билось русское сердце въ моей дѣтской груди, что оно отстояло себя.

Я ходила съ m-elle Werner въ католическую церковь, въ монастыри, къ разнымъ аббатамъ, которые отечески ласково меня принимали, одаривали меня молитвенниками и картинками съ изображеніями святыхъ, — но все это не проникало въ мой внутренній міръ. Я только внѣшне уступала назойливости моей гувернантки, и мнѣ было совѣстно за эту уступку, — тутъ было отчасти предательство моего «русскаго Бога».

Продолжалось это годъ. Мучительное это было время для меня. Мою больную мать я видѣла рѣдко — разъ въ двѣ-три недѣли, и при этомъ одинокая тупая борьба съ фанатиками, которые терпѣливо и постепенно подтачивали почву подо мной. Догматическаго спора я вести не могла. Мнѣ нечѣмъ было отвѣчать гувернанткѣ на ея доводы; я только была сильна своимъ чувствомъ. Между нами была та разница, что она знала мое одиночество, а я его чувствовала, и потому всѣми фибрами любви держалась своего Бога.

Узнавъ отъ Сейста, что моя мать совѣтовалась съ нимъ, не лучше ли ей снова ѣхать въ Россію, m-lle Werner въ страхѣ, что начатое дѣло можетъ остаться неоконченнымъ, стала дѣйствовать энергичнѣе. Утромъ, когда начинался благовѣстъ въ киркѣ, она меня будила и съ театральными жестами, съ крикомъ, требовала, чтобы я слѣдовала за ней: «Пойдемте со мной, вставайте. Слышите вы этотъ колоколъ? Онъ призываетъ васъ, онъ давно васъ зоветъ. Сбросьте вашу глухоту и смягчите сердце — онъ спасти васъ хочетъ отъ ужасной жизни, которая ожидаетъ васъ. Наша единственная, святая церковь открываетъ вамъ свои объятія. Въ монастырѣ ваше мѣсто, а не въ свѣтѣ. Вы не можете оставаться долѣе съ вашей несчастной матерью. Что будетъ съ вами, когда вы подрастете? Вы должны погибнуть. Одно спасеніе для васъ — монастырь и молитва».

И на этотъ ладъ она меня мучила, спать не давала, надѣясь сломать мою волю, когда мой организмъ ослабѣетъ. Тутъ помогло мнѣ одно обстоятельство. Моя мать вдругъ пожелала ѣхать въ Висбаденъ и тамъ, въ нашей чудной церкви, воздвигнутой великой княгиней Еленой Павловной, пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Это неожиданное желаніе показалось мнѣ чудомъ. Я усмотрѣла въ немъ награду, посланную небомъ за мою стойкость.

Пріѣхавъ въ Висбаденъ, моя мать попросила къ себѣ священника, которымъ въ то время былъ всѣми чтимый отецъ Янышевъ, и въ разговорѣ съ нимъ объяснила цѣль своего пріѣзда.

— Отлично, — отвѣтилъ пастырь, — доброе дѣло, милости просимъ завтра къ обѣднѣ, затѣмъ отстоите всенощную, а за слѣдущей обѣдней пріобщитесь Святыхъ Тайнъ.

— Но я, батюшка, стоять не могу. Я слишкомъ слаба ногами.

— Можете и посидѣть. Но вы на гулянье вѣдь выходите?

— Да, выхожу, но только для моего здоровья.

— Святыя Таинства—высшее лѣкарство для духовнаго, а также и для тѣлеснаго здоровья для того, кто съ вѣрою въ сердцѣ къ нимъ приступаетъ.

— Знаю, батюшка, но мое здоровье такъ плохо, что я въ церковь прійти не могу и прошу васъ, батюшка, пріобщить меня на дому.

Батюшка серьезно, пристальнымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ всмотрѣлся въ мою мать и сказалъ:

— Мнѣ кажется, княгиня, что вы предаетесь слишкомъ большимъ заботамъ о своемъ здоровьѣ и многимъ готовы пожертвовать для личной пользы. Я вижу васъ сидящей въ гостиной; видъ у васъ здоровый; вы даже тучны, двигаетесь свободно, и вдругъ вы отказываетесь посѣтить храмъ Божій. Извините, но я не могу согласиться на вашу просьбу.

— Но, батюшка, я не могу быть въ церкви, вѣрьте, не могу; я этимъ нарушу свой порядокъ; я могу умереть отъ этого. Вы должны пріобщить меня Святыхъ Тайнъ на дому, если это мое желаніе.

— Нѣтъ, я не долженъ служить прихотямъ... Пріобщаются на дому умирающіе, а разъ вы ходите, гуляете, — вы должны посѣтить храмъ Божій.

— Но вы не имѣете права отказывать мнѣ. Вы—священникъ, и вы же не допускаете желающаго къ св. причастію. Берегитесь, этотъ отказъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія для васъ.

Наступило молчаніе. Отецъ Янышевъ укоризненно поглядывалъ на мою мать, молча всталъ и удалился.

Я бросилась за нимъ, потрясенная этой сценой. Онъ замѣтилъ меня, тихо улыбнулся, положилъ свою руку на мою голову, вглядѣлся въ мое лицо, въ мои глаза, изъ которыхъ текли слезы, и благословилъ меня. Отъ этой ласки, полной нѣмого сочувствія, я разрыдалась окончательно.

Какъ я ни просила мать дозволить мнѣ говѣть, она не согласилась. Въ отказѣ она сослалась на то, что отецъ Янышевъ оскорбилъ ее, и дочь не должна итти туда, гдѣ оскорбили мать.

На другой день мы уѣхали, но я навсегда сохранила теплое чувство къ отцу Янышеву.

Мы скоро уѣхали въ Россію.

Въ общей сложности я провела съ матерью десять лѣтъ за границей, и всѣ эти годы мы постоянно жили въ гостиницахъ, перекочевывая изъ одной въ другую. Эта жизнь въ чужихъ стѣнахъ ужасна. Жить годами въ чужой банальной обстановкѣ, гдѣ вдыхаешь съ воздухомъ пыль и міазмы до васъ жившаго тутъ неизвѣстнаго индивидуума, пришедшаго сюда нивѣсть откуда со своимъ внутреннимъ міромъ и внѣшними привычками. Этотъ индивидуумъ часъ тому назадъ оставилъ это наемное помѣщеніе, а теперь вы входите въ тѣ же стѣны, гдѣ въ воздухѣ еще носятся неостывшее

дыханіе и неразсѣянныя мысли этого неизвѣстнаго. Нельзя назвать жизнію подобное существованіе. Оно душитъ въ своемъ зародышѣ всякую попытку къ личной жизни; всякое умственное развитіе мретъ подъ вліяніемъ окружающей банальности; духовная жизнь не можетъ быть достаточно сильна, чтобы пробить эту сгущенную давящую атмосферу пошлости, стать выше этой обстановки, вѣчно состоящей изъ дивана, двухъ креселъ, четырехъ стульевъ, комода, зеркала, умывальника, кровати и лубочныхъ картинъ. И эта жизнь длилась годами и захватила лучшіе годы моего дѣтства, въ которые надо же воспитать себя хоть какъ нибудь. Какъ жить потомъ, не имѣя за душой какого нибудь багажа? Безъ ясныхъ принциповъ, безъ уваженія чего нибудь, безъ любви къ чему нибудь, безъ истинной вѣры, а только со смутнымъ стремленіемъ. Умъ безъ содержанія, сердце безъ любви, будущее безъ цѣли. Трудно вступать въ жизнь съ такимъ хаосомъ отрицанія, а еще труднѣе, столкнувшись съ суровой стороной жизни, сдѣлать искаженное «я» человѣкомъ. Много обмана, много горечи и горя надо испытать, чтобы научиться жить—жить безъ самообмана.

Такъ какъ вся жизнь моей матери была подъ постояннымъ наблюденіемъ Сейста, съ которымъ, въ бытность въ Россіи, велась переписка, то для мелкихъ, непредвидѣнныхъ случаевъ она обращалась въ Москвѣ къ одному изъ мѣстныхъ врачей. Конечно, онъ избирался изъ тѣхъ, которыхъ называютъ «médecin complaisant», изъ не имѣющихъ собственнаго мнѣнія и прописывающихъ лѣкарство подъ диктовку больной. Но одинъ врачъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, предупредилъ мою мать, что она рискуетъ умереть отъ ожирѣнія сердца, если она не измѣнитъ образа жизни. Она была толста до безобразія; ничего пе оставалось въ ней отъ прежней поэтической красоты. Тройной подбородокъ, одутловатое лицо съ желтизной, коротко остриженные и гладко причесанные волосы дѣлали ее неузнаваемой. Конечно, она ничего не измѣнила въ своихъ пятнадцатилѣтнихъ привычкахъ, и вотъ, просидѣвъ по обыкновенію семь часовъ за обѣденнымъ столомъ, она легла отдохнуть на диванъ, гдѣ ей подстилалась тысячная шуба чернобурой лисицы, но вскорѣ ея горничная услышала звонокъ и, когда она вошла, то нашла мою мать лежащею съ искаженнымъ лицомъ и невладѣющею языкомъ. Она движеніемъ руки показала, что хочетъ писать. Ей подали бумагу и карандашъ, но рука уже не слушалась ея. Промучившись, со страшнымъ хрипомъ, она скончалась черезъ нѣсколько часовъ. Эта несчастная жертва тяготѣющей наслѣдственности умерла совершенно одинокой. Ея мать была въ деревнѣ, а я была замужемъ и жила на югѣ Россіи. Она скончалась 15-го іюля 1867 года, почти наканунѣ новой поѣздки за границу.

Невообразимо жаль столь глубоко несчастное существо, такъ щедро одаренное природой, съ добрымъ сердцемъ, великодушными

порывами, талантами, но съ элементомъ больного ума, который все искажалъ и постепенно довелъ молодой, сильный организмъ до полнаго разрушенія.

Въ семействѣ графовъ Толстыхъ всѣ женщины отличаются красотой, высокимъ ростомъ и стройностью; всѣ прекрасно одарены, даже талантливы. Мужчины, за малыми исключеніями, ростомъ не высоки и некрасивы; многіе одарены до геніальности, затѣмъ дѣлятся на мало одаренныхъ и на психически больныхъ. Въ каждой семьѣ каждаго поколѣнія есть психически больной, и это грустное явленіе повторяется вѣками.

Въ семьѣ живетъ повѣріе, что проклятіе царевича Алексѣя тяготѣетъ надъ родомъ до двадцать пятаго его поколѣнія. Эта вѣра въ силу проклятія трогательна по своей наивности и такъ и дышитъ средневѣковой эпохой, далеко отбрасывая отъ себя всѣ научныя изслѣдованія наслѣдственности. Если за всѣ злодѣянія, по исторіи содѣянныя, потомки преступныхъ лицъ были бы наказаны умопомѣшательствомъ, много ли было бы семей вполнѣ здравыхъ умомъ?

М. Назимова.

